

УДК 32:316 46 (470)

Якушин Д.А.*Московский государственный областной университет***ЛИДЕРСТВО И ВОЖДИЗМ: СИНТЕЗ В ПРОСТРАНСТВЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ**

Аннотация. В настоящей статье автор утверждает, что в XX в. лидерство западного типа возникло не во всех государствах. Западное лидерство характерно для стран с постиндустриальной ориентацией экономики на инновации, сформировавшейся политической культурой участия; открытым типом политической системы. Российское лидерство XX – XXI в. носит синтетический характер: в его структуре весомыми остаются компоненты вождизма. Автор объясняет это рядом ситуационных факторов.

Ключевые слова: политическая власть, политическая система, политическая культура, лидерство, вождизм.

D. Yakushin*Moscow State Regional University***LEADERSHIP AND INDIVIDUAL LEADERSHIP:
SYNTHESIS IN THE SPACE OF THE POLITICAL CULTURE OF RUSSIA**

Abstract. In this article the author states that in the twentieth century the leadership of the western type does not arose in all the states. Western leadership is typical for the countries where post-industrial economy is oriented towards innovations, and where political culture is traditionally of a participation type; which political system is open-type. Russian leadership of the XX – XXI centuries has a synthetic character: the components of individual leadership remain significant in its structure. The author explains this fact by a number of situational factors.

Key words: political power, political system, political culture, leadership, individual leadership.

В настоящее время в политической науке феномен лидерства исследуется во многих аспектах и направлениях. В ряде теорий применяются различные подходы к анализу политического лидерства. Каждая из них, несомненно, обладает значительным методологическим потенциалом и может быть применена к рассмотрению различных сторон и аспектов политического лидерства. В то же время все они имеют определенные методологические границы, поэтому для многих ис-

следователей эффективным решением этой проблемы стало использование предложенных Г.К. Ашиным инструментально-методологических матриц, состоящих из следующих уровней: философско-исторического (личность в истории), социально-психологического (лидер в группах и отношениях), психологического, социологического (лидер в общественной структуре) [1, с. 181]. (Здесь следует отметить, что в таких инструментально-методологических матрицах отсутствует уровень, в пределах которого лидер рассматривался бы,

© Якушин Д.А., 2014.

в первую очередь, как субъект политических процессов, победитель в борьбе за власть.) Имея в виду существование различных теорий лидерства и направлений интерпретации этого феномена, политическое лидерство можно понимать как особое качество власти, обусловленное наличием у субъекта отношений власти–подчинения формальных властных полномочий и возможностей выражения интересов большой социальной группы, проявляющиеся в способности и возможности реализовывать приоритетное влияние на значительные группы граждан.

Сущность лидерства изменчива и зависит от многих переменных, в числе которых определяющее значение имеют характеристики общества, в которых действует лидер¹. На наш взгляд, именно они влияют и на психологию лидера, и на содержание отношений между лидером и последователями, так как «связь, которая существует между людьми в какой-то социальной ситуации, и люди, являющиеся лидерами в одной ситуации, не обязательно будут ими в других ситуациях» [10, с. 12]. В обществах, отличающихся закрытостью политической системы, слабостью и неразвитостью ее коммуникационной составляющей, лидерство основывается не только и не столько на формальных полномочиях и легальной легитимно-

сти, сколько на *превосходстве лидера (лидера-вождя) над подвластными*, которые во многих концепциях власти со времен античности до настоящего времени описывались как толпа [3; 4; 5; 8; 11; 12; 13; 15; 18]. В большинстве концепций отечественных авторов этот тип лидерства определяется как *вождизм*. В частности, Д.Ольшанский определяет вождизм как «тип властных отношений, основанный на личном господстве и личной преданности носителю верховной власти». Ученый отмечает, что вождизм «типичен для традиционных и квазитрадиционных, идеологизированных, теократических, жестко централизованных, нединамичных, авторитарных и тоталитарных обществ» [14, с. 213].

Важно отметить, что вождизм в чистом виде, как и лидерство – явление, обособившееся во второй половине XX в. и продолжающее существовать в XXI в. В пространстве вождизма, в отличие от лидерства, взаимоотношения властвующего и последователей регулируются не только и не столько законами, сколько неписаными, некодифицированными нормами, в числе которых традиции, страх и самые различные варианты идей и идеологий. В этом отношении, если лидер обозначает направление движения, то вождь олицетворяет идею, символический конструкт. В пространстве лидерства политика – больше иррациональное пространство, нежели рациональная система деятельности и взаимоотношений, а власть не поддается контролю со стороны кого бы то ни было, кроме самого вождя.

Сознание подвластных ассоциирует личность вождя с харизмой, необыкновенными качествами и спо-

¹ Если ситуационная концепция не позволяет раскрыть характеристики, черты самого лидера, то мы можем опереться на методологический инструментальный *личностно-ситуативных теорий* (Г. Герт, С. Милз). При рассмотрении лидерства, помимо образа ситуации, они позволяют учитывать черты и мотивы лидера как человека; образ лидера и мотивы следования за ним, которые существуют у его последователей, а также характеристики роли лидера.

собностями, символами и атрибутами ключевой политической идеи [16]. Вождизм опирается на наиболее косные, иррациональные, глубинные стереотипы и архетипы массового сознания. Как справедливо отмечает Д. Ольшанский, «массовое сознание в таких обществах поддерживает вождизм. Опираясь на пиетет перед властью, гражданский конформизм, политическую суперлояльность, отсутствие осознанной дифференциации политических интересов и согласие с жесткой регламентированностью частной жизни, индивидуальное сознание граждан находится в зачаточном состоянии» и «все это отличает вождизм от лидерства, опирающегося на осознанные гражданами интересы» [14, с. 214].

Различия лидерства и вождизма прослеживаются и в других сторонах этих феноменов. Преимущества лидера заключаются в его рациональной способности выразить осознаваемые группой интересы, соответственно, в его эффективности, продуктивности, полезности. Авторитет лидера, привлекательность его образа строятся, в первую очередь, на его способности сплотить, объединить, интегрировать и повести за собой осознающих направление движения граждан. В своих программах, речах, действиях он артикулирует и воплощает конкретные, достижимые и близкие последователям интересы, цели и задачи. Причем лидер «не заинтересован в вытеснении рефлексивных представлений и позитивных знаний – ведь неадекватность возникающего нерелексивного образа будет служить препятствием в решении практических задач» [14, с. 218; См. также: 2; 6; 7; 9]. Вождь, напротив, опирается на иррациональные

компоненты политического сознания последователей, подавляя или пресекая рационализацию их помыслов и действий. Поэтому в лидерстве «харизма – образ – имидж» поддерживают, создают выгодную «подсветку» для программы и лидера, и его легитимности. В вождизме же, напротив, и программы, и лозунги, и политические стратегии вторичны по отношению к харизме вождя: последователи поддерживают в первую очередь личность, причем поддержка может принимать форму слепого поклонения, подражания, фанатичной любви.

Благоприятными для вождизма условиями являются или слаборазвитая экономика, или национальные кризисы, в том числе кризисы политических и социокультурных идентичностей. Именно в ситуации распада идентичностей, растерянности масс и индивидов общество в большей степени склонно искать харизматичного вождя, нежели довериться программным установкам рационального лидера. Ситуация кризиса становится катализатором для эскалации патерналистских стереотипов и подданнических доминант политического сознания. Поэтому, желая обрести надежду и веру в скорейший выход из кризиса и разрешение социальных проблем, граждане с большей охотой и готовностью заключают негласный общественный договор с вождем, нежели с лидером. В этом смысле отношения вождя и граждан можно охарактеризовать как предводительство, пасторство. Однако оно не только не тождественно, но даже может быть противопоставлено собственно лидерству, несмотря на то, что этимология слова лидер связана с понятием «вести за собой».

Для вождизма не играет особенной роли содержание политической программы вождя, неважно даже в принципе ее наличие. Понимание и одобрение населением политических стратегий вождя не является значимым фактором осуществления предводительства. Интеграция и единство помыслов зиждется за счет иррациональной веры общества в то, что вождь сможет обеспечить стабильность и безопасность в любых обстоятельствах. В этом отношении, главное, на что нацелена деятельность по созданию и поддержанию имиджа – это внушение населению непоколебимой уверенности в наличии у вождя тех качеств, которые гарантируют стабильность и безопасность системы. Просчеты и ошибки вождя не столько прощаются, сколько априорно не замечаются (либо интерпретируются приближенными как осознанная вождем необходимость, в основе которой – продуманная политическая стратегия). Дж. Сорос утверждал, что «открытое общество основано на признании того, что мы можем ошибаться, закрытое – на отрицании этой идеи» [17, с. 51].

Несмотря на то, что границы вождизма и лидерства имеют объективную природу, методологическое размежевание этих явлений достаточно условно. В социальной эмпирии немного абсолютно «чистых» вариантов лидерства или вождизма, при этом многие из современных руководителей государств воплощают в себе различные варианты синтезов этих феноменов. Кроме того, некоторые субъекты власти начинали свою политическую карьеру как лидеры, но, осуществляя власть, реализовывали, в первую оче-

редь, вождистскую систему отношений с народом и последователями. Такие трансформации происходили под влиянием личностных и ситуативных факторов, вместе с тем главным катализатором торжества вождизма, как правило, являлись экономическая нестабильность и политические кризисы; поэтому вождями часто становились лидеры путчей и революций, совершенных в странах, не относящихся к категории наиболее экономически развитых. Характерными примерами таких трансформаций лидерства в вождизм являются, как мы полагаем, биографии Ф. Кастро и М. Каддафи.

Общественные сломы крупного масштаба, нарушающие привычный жизненный уклад и уничтожающие значительную часть общественных связей, структур, отношений, «выбивают почву из-под ног» большей части населения. Желание найти выход из кризисов, жажда веры в сочетании с потребностью в непререкаемом авторитете, вожде, который не только укажет направление движения, но и определит место всех и каждого в новых системах общественных отношений, в нашей стране вызвало к жизни вождизм как явление, наиболее ярко воплотившееся в личности И.В. Сталина.

Для постсоветской России характерен синтетический вариант лидерства: лидерство с элементами вождизма. Так, с конца 80-х гг. XX в. до 1999 г. происходила постепенная трансформация функции и имиджа первого Президента России Б.Н. Ельцина. В начале этого периода он воплощал в себе идею национального лидера, а в конце преобладающей тенденцией стал вождизм. Сходные трансформации имели место в пространстве по-

литического лидерства В.В. Путина. В начале периода своего президентства В.В. Путин воплощал в себе политическую преемственность по отношению к демократизации власти в России, но постепенно стал носителем образа национального героя, предводителя общества, нации и государства на пути к фактическому и символическому процветанию, государственному и национальному величию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ашин Г.К. Лидерство: социально-политические и психологические аспекты // Политика: проблемы теории и практики. – М., 1990. – Ч.2. – С.176–216.
2. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. – М.: Феникс, 2008. – 395 с.
3. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии // Вебер М. Политические работы (1985–1919). – М.: Праксис, 2003. – 612 с.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 809 с.
5. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. – 1988. – № 5. – С.139–147.
6. Гозман Л.Я., Шестопад Е.Б. Политическая психология. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1996. – С. 241–249.
7. Гуревич П.С. Политическая психология. – М.: Юнити-Дана, 2010. – 342 с.
8. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. – М.: Республика, 1994. – 417 с.
9. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
10. Ларионов В.Г., Мельников О.Н. Природа лидерства // Российское предпринимательство. – 2001. – № 4. – С.10–18.
11. Лебон Г. Психология толп. – М.: Ин-т психологии РАН, 1998. – 416 с.
12. Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр.; Предисл. А.В. Брушлинского. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.
13. Ницше Ф. Монарх и Бог // Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т.1. – М, 1998. – С. 439–440.
14. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.
15. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – №3. С. 120–121.
16. Пирогов А.И. К анализу веберовской концепции харизматического лидерства // Вестник МГАДА: Серия : Философия, социальные и естественные науки. – 2011. – № 3. – С. 91–100.
17. Сорос Дж. Я верю в свою собственную подверженность ошибкам (Интервью Байрону Виену) // Известия Уральского государственного университета. 1997. – № 6. – С. 48–60.
18. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. – М.: Институт психологии РАН; Издательство КСП, – 1999. С. 257.